

Свидание с Детективом

ОЛЬГА БАСКОВА
КАК ХОЧЕТ
ГОСПОЖА

Ольга Баскова
Как хочет госпожа
Серия «Свидание с детективом»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6191538

Баскова О. Как хочет госпожа : роман : Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-67221-9

Аннотация

В последнее время она не отходила от зеркала. Хотя ее милый постоянно твердил: он любит ее, она боялась, что когда-нибудь эта идиллия закончится и он уйдет. Причина банальна – ее возраст. Надо обязательно продлить молодость. Как это сделать? Она начала читать книги с ведьмиными советами, готовить зелья по рецептам колдунов. Казалось бы, такие старания должны увенчаться успехом, но беспощадное зеркало говорило иное. Она долго не могла решиться на самые сильные снадобья, не хотела принимать такое «лекарство от старости», но желание остаться молодой все-таки победило. Правда, для снадобья требовалась человеческая кровь, много крови. Она показала рецепт возлюбленному. Он улыбнулся и пообещал: завтра у нее будут необходимые ингредиенты. Как всегда, он держал свое слово...

Содержание

Он и она	4
Глава 1	12
Глава 2	31
Глава 3	49
Глава 4	73
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Ольга Баскова

Как хочет госпожа

Он и она

Она уже давно считала свою жизнь неудавшейся. И кто бы стал с ней спорить? Муж оставил женщину, когда ей исполнилось тридцать три, – нашел совсем молодую девчонку. А сколько она ему помогала! Он работал в научно-исследовательском институте, рано защитил кандидатскую и начал писать докторскую. Женщина, преодолевая усталость после работы, садилась за компьютер и печатала главы его диссертации. И муж успешно защитился, получил должность профессора, стал совмещать основную деятельность с преподаванием в вузе и влюбился в одну из своих студенток. Роман развивался стремительно. Не мешкая, ученый подал заявление на развод. Больше с бывшей женой его ничто не связывало: детей у супругов не было. Нет, не потому, что она не могла родить. Просто доцент всегда отмахивался: ему нужна тишина, а ребенок будет плакать и не давать плодотворно трудиться. Она шла на поводу и теперь жалела об этом. С ребенком она бы вряд ли чувствовала себя такой одинокой. Когда муж ушел, она уже не надеялась найти кого-нибудь, но подруга познакомила ее с мужчиной, тоже недавно

оставившим жену. Он был старше ее на десять лет, и женщине казалось: она для него всегда останется молодой. Они прожили вместе лет восемь, и так называемый гражданский муж ушел к девушке, которая годилась ему в дочери. Пережив этот разрыв, женщина поклялась себе никогда больше не связываться с мужчинами. Она вспомнила одну фразу, сказанную ей когда-то в санатории профессором-невропатологом: «Без них не умерла ни одна, а вот с ними попало на тот свет много». И в самом деле, какие проблемы? В тот день она отправилась в салон красоты, решив начать новую жизнь, а потом нарядилась и пошла в дорогой ресторан. Она заказала свои любимые блюда и бутылку белого вина и наслаждалась их вкусом, когда молодой красивый мужчина с широкими плечами борца подсел за ее столик:

– Вы не скучаете в одиночестве?

Она покачала головой:

– Нисколько. Я им наслаждаюсь.

Он посмотрел на нее с удивлением:

– Это странный ответ.

Женщина взглянула на него с неудовольствием:

– Почему бы вам не вернуться на свое место? Я никого не приглашала.

Незнакомец слегка наклонил голову:

– Я знаю. Но вы именно та женщина, с которой я бы хотел провести сегодняшний вечер. Как вы на это смотрите?

Она помедлила с ответом, рассуждая про себя. Этот па-

рень, наверное, искал развлечений на одну ночь. Стоит ли ей поддаться соблазну и, кроме вкусной еды, получить удовольствие еще и в постели? Если стоит, то нужно настроить себя на короткую встречу. Утром мужчина уйдет, и они никогда больше не увидятся. Женщина подумала: возможно, это неплохой вариант. Научиться жить одним днем, ни к кому не привязываться, ни для кого ничем не жертвовать...

– Ладно, перебирайтесь ко мне, – милостиво разрешила она. Парень радостно улыбнулся:

– Одну секунду.

Он расположился за ее столом и подозвал официантку:

– Бутылку самого дорогого шампанского.

– Хотите напоить меня до бесчувствия? – поинтересовалась она.

Мужчина усмехнулся:

– Это не входит в мои планы... Если вы против, заказ можно отменить.

Женщина махнула рукой:

– Не стоит. Я сама сегодня хочу выпить.

Они заказали еще еды, а потом он вызвал такси и поинтересовался:

– Куда вас отвезти?

– На Лесную.

Они быстро подъехали к ее дому, дама вышла из машины, а он, расплатившись с водителем, догнал ее.

– Значит, здесь вы живете...

Она кивнула:

– На третьем этаже.

Парень остановился у ее подъезда:

– Спасибо вам. Я хорошо провел вечер.

Женщина заморгала:

– Разве вы не подниметесь на чашечку чаю?

Мужчина покачал головой:

– Завтра рано вставать на работу. Но я осмелюсь попросить номер вашего мобильного, если вы не против. Послезавтра я хочу снова вас увидеть.

Она поморщилась. Значит, в свои сорок два года она уже не годится для постели. С ней можно только напиться. Он просит телефон из вежливости, но, конечно, не позвонит. Да и черт с ним. Парень наверняка женатый. Еще не оберешься потом хлопот.

– Думаю, это необязательно, – проговорила женщина. – Мне тоже было хорошо с вами. А продолжать знакомство вовсе не нужно.

Он опешил:

– То есть как? Почему?

– Потому что это ни к чему не приведет, – призналась женщина. – Ни к чему хорошему.

– А мне кажется, вы преувеличиваете, – твердо ответил он. – Прошу вас, скажите свой номер. Или послезавтра я буду караулить вас возле подъезда.

Она сдалась. Черт с ним, не позвонит так не позвонит.

– Записывайте.

Он достал мобильный и забил ее номер:

– Завтра вечером я вам позвоню. Мы договоримся о новой встрече.

Мужчина поцеловал ее руку и растворился в темноте. Она поднялась в пустую квартиру и, не снимая туфель, упала на кровать. Парень понравился ей, и женщине очень хотелось, чтобы знакомство продолжилось. Пусть даже ни к чему хорошему оно не приведет. Разум подсказывал ей: «Разве тебе это нужно? Если он позвонит, пошли его к черту. Хватит с тебя переживаний». – «Он не позвонит, – убеждала она себя. – Просто не позвонит».

Однако парень позвонил, как и обещал, и сказал, что заедет за ней и повезет в ресторан. В такси он рискнул коснуться губами ее щеки и прошептал на ухо:

– Я очень скучал. Но работа есть работа. Без денег я не смогу повести такую женщину, как вы, в ресторан.

Они опять заказали дорогие блюда, а потом он повез ее домой.

– Вот сегодня я с удовольствием зайду к вам на чай.

Она почти не скрывала радости:

– У меня как раз есть пирожные.

– Это прекрасно.

Но, оказавшись в ее квартире, парень прижал женщину к себе и принялся целовать. Они переместились в спальню и о чае вспомнили нескоро.

– Черт с ним, с чаем, – проговорил он. – Я хочу спать. А потом я захочу тебя.

Им удалось заснуть только под утро, однако через час женщина проснулась, словно кто-то толкнул ее, присела на постели и принялась разглядывать любовника. Интересно, сколько ему лет? Женат ли он? Осторожно, стараясь его не разбудить, она прошагала в коридор, где он бросил портмоне, и открыла его. Штамп о разводе ее порадовал, но вот возраст... Парень оказался моложе ее на десять лет. А это означало только одно: в скором времени он найдет молодую и оставит ее так же, как до него делали другие. Самое главное – не привязываться к нему, отправить домой после завтрака и больше никогда не видеть. Это знакомство не обещало ничего хорошего, кроме новых разочарований и слез. Женщина вернулась в постель и легла, стараясь не прижиматься к его молодому телу. Словно почувствовав ее настроение, он проснулся и уставился на нее:

– Что-то случилось?

– Случилось, – кивнула она. – Сейчас ты встанешь, я накормлю тебя завтраком, а потом ты отправишься домой. И больше мне не звони.

Его губы дрогнули:

– Разве я сделал что-то не так?

Она села на постели и обхватила руками колени:

– Нет, дело не в этом. Ты ничего обо мне не знаешь, и я хочу тебе кое-что рассказать. Я любила двух мужчин, делала

для них все, а потом они меня бросили, просто так, без объяснений. Конечно, причины были: нашлись более молодые и красивые. Эти мужчины были старше меня. А ты моложе на десять лет. Я видела твой паспорт. Ты хороший парень, но мне не нужны больше переживания. Поэтому ты сейчас выпьешь свой кофе и уйдешь. Уйдешь навсегда.

Он изумленно уставился на нее:

– Это еще почему? При чем тут наш возраст? Ты мне нравишься, и я хочу быть с тобой. Мне кажется, я даже люблю тебя, хотя это звучит сейчас довольно пошло. Нет, я никуда не уйду. То есть, я имел в виду, навсегда. У меня есть работа, теперь появилась любимая женщина. И никакая сила на свете не заставит меня расстаться с тобой.

Она открыла рот, намереваясь настоять на своем, но вдруг передумала. Никто не мешает ей все время быть начеку. Не влюбляться, не привязываться. Просто смотреть на этого человека как на временную игрушку. Сейчас она его устраивает. Почему же ей не забыть обо всем и не предаться любовным утехам? В то утро она убедила себя: только так и надо жить, однако по ее желанию не получилось. Женщина дала слово не привязываться и не влюбляться, а сама влюбилась в него и привязалась, как собачонка. Она ревновала его к каждой прошедшей мимо девушке, хотя он и не думал на них оборачиваться, подслушивала его разговоры и, оставаясь в квартире одна, припадала к зеркалу и разглядывала морщины, обнаруживая их там, где раньше не было. «Настанет день

– и он поймет, как я для него стара, – бередила она свою душу. – Я не хочу его потерять. Я без него умру. Я сделаю все, чтобы удержать его». Она стала часто посещать салоны красоты и однажды записалась на прием к пластическому хирургу. Тот внимательно осмотрел пациентку и сказал:

– Вы должны сначала пройти обследование, чтобы избежать проблем на операционном столе.

Она сделала необходимые анализы, и врач вынес неутешительный вердикт:

– У вас больное сердце и высокое давление. Вы об этом не знали?

Женщина покачала головой. Постоянные житейские проблемы мешали ей следить за своим здоровьем.

– Ни в одной клинике с такими диагнозами за вас не возьмутся, – сказал доктор. – Разве что в больнице с сомнительной репутацией. Однако я бы вам не советовал. Кроме подтяжек, есть еще и другие методы. Попробуйте их. Хотя для своего возраста вы потрясающе выглядите. Не думаю, чтобы пластика пошла вам на пользу.

Его приговор чуть не убил ее, однако, вернувшись домой, она немного поразмыслила и решила: врач прав. Что, если бы она умерла во время операции? А так нужно просто поискать другие способы решения проблемы. И она их найдет, обязательно. Потому что не хочет потерять его.

Глава 1

Сторож старого сельского кладбища Егор Ильич Трифонов придирчиво оглядел накрытый стол. В общем, неплохо, кроме солений и бутылки самогона из-под листьев салата выглядывала розовая аппетитная ветчина. Хлеб, правда, был не первой свежести, однако он сегодня не успел забежать в магазин по пути на работу. Впрочем, если Тонька захочет, пусть тоже внесет некое разнообразие. При мысли об этой крепкой здоровой бабе пенсионного возраста кровь, казалось, начинала быстрее бежать по жилам. Он жил один с тех пор, как умерла жена, то есть уже больше десяти лет. Сын уехал на заработки в город очень давно и не навещал отца. Кто знает, может, стыдился, что у него, инженера, отец сторожит кладбище? Да он и не сторожил бы, занимался бы своей любимой работой – пахал на тракторе, как раньше, когда они дружно жили в колхозе-миллионере. С перестройкой колхоз начал вымирать вместе с входившими в него деревнями и селами. Молодежь бежала в город. Село уже не выглядело так привлекательно, как когда-то. Из пожелтелых некошенных трав тремя окнами в мир смотрели старые бревенчатые избы, почерневшие от времени и дождей. Техника ржавела и гнила на полях. Закрытые магазины, сельские школы, больницы и библиотеки, зарастающие бурьяном поля никого не радовали. Уходил в небытие целый мир, ове-

янный поэтичностью и описанный не одним автором. Освоенная земля превращалась в пустыню. Зарастало лесом то, что человек когда-то отобрал у природы. Казалось, теперь она возвращала себе то, что принадлежало ей по праву. Людей оставалось все меньше и меньше, как и рабочих мест. Егор радовался, что понадобился хотя бы сельскому кладбищу, и по-своему полюбил это место. Здесь не было дорогих памятников и склепов. Многие могилы совсем заросли сорняками: за ними никто не ухаживал. Это и понятно: родственники уже не жили в селе, дедушки и бабушки, которые когда-то пекли для внуков пахучий хлеб и угощали парным молоком и разными вкусностями, их не интересовали. Егор говорил сам себе: отношения между людьми стали иными, правильнее сказать, какими-то товарно-денежными. Вот и его сын словно боялся навестить отца, потому что тот мог попросить денег на лекарства. А что отец мог оставить после себя? Старый дом, который попробуй еще продай? Думая об этом, старик не обижался на своего отпрыска и внучат, почти не видевших деда. У них своя жизнь, и дай бог им счастья. А ему следует позаботиться о своей. С годами обслуживать себя становилось все тяжелее. Когда с ним начала кокетничать Антонина, бойкая вдовушка лет шестидесяти пяти, он обрадовался ее вниманию. А что? Досмотрит его – пусть и забирает его дом, сыну он все равно не нужен. Вчера Тонька выразила желание навестить его на рабочем месте, то есть в кладбищенской сторожке, и он расстарался, чтобы достать

пристойное угощение, даже бегал в автолавку за ветчиной. Баба должна остаться довольна.

Старик взглянул на часы и решил перед так называемым свиданием еще раз обойти свои печальные владения. Вряд ли кто-нибудь позарился бы на железный крест или почерневший временный памятник, однако он слышал историю, что в соседнем районе нашлись желающие подзаработать и на этом. Они приезжали на кладбище, правда, поздно ночью, воровали кресты и ограды и сдавали как металлолом. Егор взял ружье, заряженное дробью, и вышел в сумерки. Тонька должна была подойти после десяти вечера, когда закончит возню с птицей и скотиной. Вдалеке послышался шум мотора. Возле ограды кладбища, на другом конце, проходила асфальтированная дорога. Старик включил фонарик и отправился осматривать владения. Несмотря на довольно большую территорию, он уже знал тут почти каждое надгробие. И неудивительно, сколько здесь лежало его родственников и знакомых! Вот, например, Галина, невеста его брата, которая до свадьбы не дожила: выпила на девичнике самогона, да, видать, переборщила, пришла домой, упала на кровать, забыла принять необходимые меры – дом отапливался дровами – и угорела в расцвете лет. Как назло, отец и мать в тот день подались к родне – «скупиться» перед торжеством. Вот как бывает в жизни – брали для веселья, а столы накрыли на поминки. Впрочем, и сам братец где-то недалеко лежит – нагнала его шальная пуля «нового русского», приехавшего по-

охотиться в эти места. Следователь потом закрыл дело и все толковал о случайности: дескать, предприниматель выстрелил в кусты, думая, что в них прячется животное, а попал в человека. Сам виновник отвалил тогда ему, Егору, крупную сумму, которую прикарманил сынок. Егор понимал: это все вранье. Не стал бы брат, сам опытный охотник, прятаться в кустах, видя, что кто-то шастает по лесу с ружьем и постреливает. Скорее всего, брат оказался не в нужном месте не в нужное время и его убрали как свидетеля. Однако разве это докажешь, когда на стороне преступника деньги? Да и брата не вернешь, а еще, чего доброго, такого врага наживешь, что за сына и внуков дрожать станешь. Вот поэтому Егор не возражал: закрыли дело – так закрыли. Деньги пошли внуку на учебу. Вспомнив об этом, он сплюнул и махнул рукой. На нос сторожу упала дождевая капля, и мужчина взглянул на небо. Звезд не было видно, его снова затянули тучи. Вот лето в этом году выдалось дождливое! С утра прошел хороший ливень, земля до сих пор не высохла, вон ноги вязнут, и сейчас еще подмочит. Егор с неудовольствием крякнул, но продолжил путь. Сейчас он дойдет до ограды, конца кладбища, потом повернет направо и отправится назад. Скоро и Тонька пожалует. Егор дошел до ограды и свернул в сторону, как и предполагал. Через несколько шагов должна была показаться могила его соседки Светланы. Возле высокой березы, росшей на ней, он всегда отдыхал. Сама могила выглядела заброшенной. Говорили, ее дочь Татьяна как подалась в город,

так связалась с бандитами – и жива ли? Неизвестно. После ее отъезда он видел Таньку только на похоронах. Спасибо, хоть дерево посадила, все могилка веселее смотрится. Старик сделал шаг к березе и застыл как вкопанный. С одной из ее ветвей, уже давно зазеленевших, свисал вниз головой привязанный за ноги мужчина. Егор перекрестился и, перебив страх, подошел к нему.

– Ты... Вы что тут?

Он задыхался. В ответ закричала какая-то птица, а незнакомец на дереве молчал. Дрожащей рукой старик направил на него фонарик и сразу понял: он мертв. С такой раной на шее просто невозможно остаться в живых. Егор закрыл рот, распахнувшийся в беззвучном крике, и, забыв обо всем, помчался к выходу. Ему повезло. Участковый, капитан Вася Сидельников, возвращался домой на своем мотоцикле. Сторож кинулся к нему и чуть не попал под колеса. Капитан с неудовольствием затормозил:

– Ты что? Напился, что ли?

Свет фар озарил белое лицо и безумные глаза Егора. Сидельников понял: что-то случилось. Дрожавший палец сторожа указывал в глубину кладбища:

– Там... Там... Он...

Участковый постучал по кобуре, слез с мотоцикла и кивнул деду:

– Показывай!

Они пошли по вязкой земле, почти побежали, но все рав-

но Егор думал, как медленно они двигаются. Вот, наконец, и та береза на Светкиной могиле.

– Смотри, Вася, вот он.

Капитан уставился на труп, потом подошел к незнакомцу и пощупал шею:

– Холодный уже. Кто-то прямо по сонной артерии его полоснул. Только вот не пойму, зачем за ноги подвесили?

На эти вопросы Егор тоже не мог дать ответа. Впрочем, капитан от него ничего и не ждал. Он достал мобильный:

– Сейчас специалистов вызовем... Вдруг сразу и раскроем по горячим следам...

Сторож чуть не подпрыгнул:

– А ведь верно, Вася, следы... Только обрати внимание, какая маленькая нога. Ребенок, что ли? Василий, ты это, кинолога вызови. Пусть он собачку по следу пустит. След-то довольно свежий. Гладишь – и поймает преступника.

Капитан терпеть не мог, когда кто-либо ему указывал, как поступать, но тут вынужден был согласиться с Трифоновым:

– Точно, Ильич. Сейчас вызову. – Его руки судорожно нажимали на кнопки. Неужели впервые за всю жизнь, которую он считал неудавшейся, замаячил свет перспективы? Неужели появится возможность вырваться из этого болота и очутиться на неплохой должности в неплохом месте? Наверное, так и было. Однако для этого следовало попытаться раскрыть дело по горячим следам. Чем черт не шутит... Когда в трубке раздался голос дежурного отдела внутренних

дел ближайшего города, районного центра Приреченска, Василий, который уже не раз работал с сотрудниками именно этого отдела, сообщил ему о происшествии на кладбище в селе Железнодорожном.

– Высылаем бригаду, – отчеканил тот и отключился. Капитан повернулся к сторожу:

– Ильич, у тебя ружье имеется? Хоть какое-нибудь?

Старик обиженно кивнул:

– А какой же я сторож без ружья? Охотничье пойдет?

– Пойдет, – обрадовался Василий. – Черт его знает, может быть, мы и без них справимся. Ты беги к тому входу на кладбище, возле твоей сторожки, а я блокирую другой, с той стороны. В случае чего – стреляй в ноги.

Егор Ильич с удовольствием помчался исполнять приказ участкового, забыв о Тоньке. Да какая может быть Тонька, если такие дела? Сидельников аккуратно брел по детским следам, оставленным на размытой земле. За оградой кладбища до самого шоссе росла высокая трава, и след затерялся в ее гуще. Сильный дождь примял ее, так что обнаружить ничего не удалось. Не помог и фонарик. Участковый еще немного побродил вдоль ограды, когда зазвонил мобильный. Он узнал голос майора Павла Киселева:

– Василий, ты где? Мы уже близко. Куда следовать?

Сидельников объяснил, как проехать к кладбищу, и вскоре полицейский «уазик» притормозил возле него. Из него выскочили четверо, среди которых был и кинолог с собакой.

Киселев и участковый пожали друг другу руки.

– Костя, – обратился Павел к высокому белокурому мужчине, – помнишь Василя? Однажды он вызывал нас по бытовухе. Ну, когда жена спьяну заколола муженька вилами.

Скворцов кивнул и тоже протянул руку:

– Разумеется, помню. Но, насколько мы можем судить, тут не бытовуха. – Василий зашагал к могиле, ведя за собой оперативников. – Если верить нашему дежурному, то просто какие-то вампирские страсти. Подвешенное тело, порез на шее... Что тут у вас творится?

– Сейчас сами увидите. – Они подошли к березе, на которой висел труп. – Вот, полюбуйтесь. Мы со сторожем обнаружили следы, так что найдется и работа для вашего кинолога.

Молодой щуплый парень Олег Кошелев еле сдерживал овчарку с рыжим окрасом. Сидельников обратился к нему:

– Видите следы на земле?

Пес по кличке Тиль вдруг заскулил и рванулся вперед. Кинолог и Скворцов побежали за собакой. Полноватый мужчина небольшого роста, судмедэксперт Станислав Михайлович Заболотный, принялся осматривать труп.

– Слушай, Паша, – проговорил он, – тут действительно чертовщина какая-то. Ты Железнова, Костиного дружка, помнишь?

– Помню, – отозвался майор.

– Там тогда из его трупа выкачали кровь, – заметил док-

тор. – Тут та же самая картина. Тело обескровлено. – Он по-светил на землю фонариком. – Да ты сам посмотри: задета сонная артерия, кровь должна была хлестать, как из брандспойта, а на земле всего несколько капель. У меня создается впечатление, что ее специально собирали в емкость, скажем в ведро. Спрашивается, для чего? Впрочем, возможно, его просто убили в другом месте.

За могилами слышались голоса, и Кошелев и Скворцов подошли к коллегам.

– Ушел, гад, следы оборвались, – пояснил Олег.

– Обыщите все ближайшие могилы, – приказал Киселев. – Нас интересует любая мелочь.

Из-за соседнего памятника показался Трифонов.

– Это сторож Егор Ильич, он обнаружил труп, – представил его участковый. Трифонов приосанился:

– Так оно и было.

– Ничего подозрительного не заметили? – поинтересовался Павел. Сторож задумался:

– Да вроде нет. – Он наморщил лоб. – Хотя постойте. Если это важно... Когда я вышел из сторожки, то услышал с той стороны кладбища шум мотора... Только, разумеется, по нему определить марку я не могу. Мне кажется, машина была большая, возможно «рафик». Но я в этом не специалист, у меня самого сроду автомобиля не водилось.

– Постараемся определить по протекторам, – сказал Киселев. – Если погода позволит. – Дождь начинал лить вовсю. –

Чувствую, ливень смывает все следы. – Он двинулся к шоссе, бросив на ходу Михалычу:

– А ты вызывай своих санитаров.

Худшие опасения майора оправдались. На дороге действительно ничего не удалось обнаружить, зато возле соседней могилы Костя и Олег отыскали отрезанный кусочек ленты с венка и маленький перочинный ножик, испачканный чем-то красным. Им повезло, что кто-то бросил его под скамейку возле надгробия, и капли дождя не попали на нож.

– Гляди-ка, – Скворцов осветил находку, – похоже на кровь. А еще на ноже отпечаток детской руки. Неужели действительно ребенок?

Несколько секунд все молчали. Что за драма разыгралась на полузаброшенном сельском кладбище? Откуда маленькие следы руки и ног? Возможно ли, чтобы такое страшное преступление совершил ребенок? Или это карлик, неизвестно как очутившийся в Железнодорожном? И кто этот несчастный, с которым свели счеты таким страшным образом?

– Давайте еще раз все прочедем, – предложил Павел. – Вдруг повезет. Пока санитары приедут, нам тут придется торчать.

– Так это, – вставил Ильич, – может, ко мне в сторожку? У меня там есть... – Он вдруг осекся и замолчал.

– То, что у тебя есть, побереги для своей бабы, – усмехнулся Сидельников, и Егор, вздрогнув, посмотрел на часы. Стрелки показывали половину одиннадцатого. Тонька поче-

му-то не пришла, стерва. А может, пришла и убежала, увидев полицию?

– Капитан прав, – кивнул Киселев. – Вы только протокол осмотра подпишите, пожалуйста. А мы тут еще поработаем. Правда, Тиль?

Собака обвела всех умным взглядом и гавкнула.

– Раз даже Тиль хочет, чтобы мы потрудились, придется поднапрячься, – вздохнул Скворцов и повернулся к Михалычу. – Ты обыскал тело? Документов при нем никаких?

– Пусто, – признался эксперт. – В карманах ветер гуляет. Вообще, это очень странно. По всему виду пострадавший – бомж, однако и у бомжей хоть какая-то мелочишка в наличии присутствует. А тут – ничего.

– Черт, провозимся мы с установлением личности, если он не проходит по криминальным делам, – заметил Павел. – Слушайте, ребята, кажется, я кое-что обнаружил.

Он пошарил рукой в густых зарослях черемухи и, подсвечивая себе фонариком, достал спортивный ботинок китайского производства.

– Снова детский.

Костя взял ботинок и посветил внутрь:

– Кажется, теперь удача нам улыбнулась. Тут шариковой ручкой фамилия нацарапана. Петров. Вы такого пацана знаете? – поинтересовался он у сторожа. Тот пожал плечами:

– Представьте себе, знаю, и не одного. У нас тут треть села Петровы. И у всех дети растут. У Гришки Петрова – Колька

тринадцати лет, у Сашки – Витька двенадцати, у Борьки – Димка, Колькин ровесник, у...

– Понятно, – оборвал его Павел и обратился к участковому: – Василий, возьми эту штуку и завтра отыщешь ее хозяина. Сейчас каникулы, дети должны быть дома.

– Будет исполнено. – Капитан взял под козырек. Старательно упаковав находки, полицейские стали дожидаться санитаров. На удивление, те приехали довольно быстро. Бренные останки несчастного бомжа погрузили на носилки, засунули в машину, офицеры уселись в «уазик», и автомобиль помчал их в город. По дороге Костя повернулся к Павлу:

– Как думаешь, ритуальное? Ночью на кладбище... У трупа выкачали кровь...

Друг скривился:

– Черт его знает... Возможно, тут другое... Слушай, если снова орудует какой-то тип, схожий с преступником из недавнего дела, которого мы обозвали кукловодом, я не переживу. Это означает только одно: вскоре на нас посыплются новые трупы. А если маньяк – ребенок, это уже вообще не лезет ни в какие ворота.

– Ты прав. – Костя развел руками. – Что будем делать в отделе? Дождемся результатов экспертизы или отправимся домой?

– Отправимся домой, только доложим полковнику, – отозвался Киселев. – Устал я, Костя, как собака. Впрочем, сегодня мы уже ничего по этому делу не выдадим. Ночь на дворе.

Где искать свидетелей? А завтра, глядишь, Сидельников и сообщит нам какую-нибудь хорошую весть. Не такое уж оно большое, это село, и если некто Петров не залетная пташка, капитан отыщет его в два счета. А, как думаешь?

Скворцов заставил себя улыбнуться:

– Точно. Подождем до завтра.

Автомобиль свернул на улицу, где находился дом Константина.

– Катя, наверное, ждет, – проговорил майор. – Она у тебя как моя Настюха. Та только тогда ляжет спать, когда я позвоню и скажу, чтобы не ждала.

– Ждет, – согласился Скворцов. Киселев потрогал шофера за плечо:

– Притормози тут. А ты иди домой, время позднее, – сказал он приятелю. – Я сам все сделаю, тем более делать практически нечего.

– Но... – попытался протестовать друг. Павел махнул рукой:

– Я сказал – все завтра.

– Спасибо, брат.

Они пожали друг другу руки, Костя вошел в подъезд и стал быстро подниматься по лестнице. Остановившись у квартиры, он достал ключ и сунул его в замочную скважину, однако дверь распахнулась сама, и на пороге он увидел жену.

– Я услышала шум и выглянула на улицу, – призналась Катя. – Ужинать будешь?

Скворцов обнял ее и поцеловал:

– Нет, милая. Спать, спать и спать.

Она с жалостью посмотрела на него:

– Снова труп? Кто на этот раз?

– Какой-то бомж позволил себя прирезать на сельском кладбище и выкачать всю кровь, – пояснил супруг, снимая обувь. – Как в свое время Мишка Железнов. Катюша, милая, остальное расскажу завтра.

– Я уже начала набирать тебе ванну, – ласково сказала женщина.

Он еще раз поцеловал ее:

– Ты у меня прелесть. Ты и наша доченька.

На следующее утро, наскоро позавтракав, Константин поехал в отдел. Павел уже сидел в своем кабинете и что-то писал. Возле него стояла чашка с недопитым чаем, без которого майор не мог прожить и часа. Он поздоровался с приятелем и улыбнулся:

– Представляешь, Михалыч у нас герой труда. Так домой и не пошел, в отличие от нас, пока вскрытие не произвел. Так что результаты экспертизы уже рано утром лежали у меня на столе. Прочтешь?

Костя кивнул и взял протянутый лист бумаги. На нем крупным почерком эксперта, который до смерти не любил печатать, было написано: «Труп мужчины, худощавого телосложения, возраст примерно 38–43 года, рост 175 сантиметров, лицо смуглое, волосы черные с проседью, слегка вью-

щиеся, черты лица – славянского типа, на верхней челюсти – три коронки из стали. Печень сморщенная, атрофический гастрит слизистой оболочки желудка, что свидетельствует о длительном употреблении алкоголя. Был одет в черные брюки и кремовую рубашку из нейлона. На ногах – стоптанные мужские сандалии. Никаких документов обнаружено не было. На обоих запястьях имеются следы, оставленные веревкой, которой жертва была связана. Аналогичные следы хорошо просматриваются и на лодыжках обеих ног. Ножевая рана в области шеи нанесена плоским колюще-режущим предметом. Глубина раневого канала – пять сантиметров. Смерть наступила 21 июня около 22–23 часов в результате обильного и длительного кровотечения».

Когда Скворцов закончил читать, он хотел сказать несколько слов по поводу протокола вскрытия, но тут послышался стук в дверь – четыре раза с перерывами, как стучался только Заболотный.

– Заходи, герой дня, – пригласил его Киселев. – С чем пожаловал?

– Чайком угостишь? – произнес Станислав Михайлович. Этот вопрос эксперт задал не случайно. Павел был известен своей любовью к чаю с вареньем и всевозможными сладостями не только на отдел, но и на весь город. Если у кого-то в отделе заканчивался этот напиток или хотелось полакомиться сладким, все шли к Киселеву, и он никому не отказывал.

– Тебе сегодня можно все, – отозвался майор и вклю-

чил стоявший неподалеку электрический чайник. – Варенье, правда, прошлогоднее. Сейчас клубника пойдет, и Настена свежее сварит. Так что тебе придется довольствоваться яблочным.

– Отлично, – причмокнул доктор и уселся на стул, скрипнувший под его тяжестью.

– И печенье свежее имеется. – Киселев придвинул к нему блюдце. – Вот сахар. Короче, ни в чем себе не отказывай. А если у тебя есть какие-нибудь интересные новости, можешь поделиться ими прямо сейчас.

Эксперт взял печенье и надкусил его:

– В принципе, новости изложены в протоколе вскрытия. Могу поделиться только своими домыслами. Они тебя устроят?

Павел кивнул:

– Твои домыслы все равно что научные обоснования. У тебя интуиция как у нашей Катюхи. Давай излагай.

Он налил чай из заварного чайника в одну из больших чашек, тоже находившихся всегда под рукой, и добавил кипятку:

– Пей, пей.

– Костя, не хочешь составить мне компанию? – спросил доктор, делая глоток. Скворцов мотнул головой:

– Меня Катя сегодня накормила на убой. Если чуть попозже будешь в состоянии продолжить это мероприятие, присоединюсь.

– Ладно. – Михалыч подцепил ложечкой кусочек яблока из варенья. – В общем, мои наблюдения таковы: по виду парень – бомж-алкоголик, уже довольно длительное время употреблявший спиртные напитки. Однако исследование одежды показало: да, она изношенная, но не до крайней степени, периодически ее приводили в порядок, то есть стирали, штопали и, возможно, даже гладили. Если это бомж, то он довольно недавно стал им или, вероятно, этот несчастный имел свое жилье, просто совсем спился и почти не интересовался своим внешним видом. Мне кажется, проблем с установлением его личности у вас быть не должно. У этого парня есть родня или сожительница, которая иногда заботилась о его шмотках. Вот таковы мои заключения.

Павел почесал затылок:

– Это очень важно. Нам бы действительно поскорее установить его личность. Кто знает, может быть, тогда мы быстро выйдем и на убийцу.

– На ребенка? – проговорил Заболотный. – Экспертиза ножа показала: им пользовался ребенок лет тринадцати-четырнадцати. Мальчик, видимо, следил за оружием, периодически протирал, поскольку, кроме его отпечатков, других мы не обнаружили. Кровь на ноже по группе совпадает с кровью потерпевшего, однако, как вы понимаете, это ничего не значит. Точнее скажет анализ ДНК, а его срочно вам никто не сделает.

– Подождем, – кивнул Киселев. – Мне почему-то кажет-

ся, что наш друг Сидельников, очень опытный и обязательный полицейский, должен принести хорошие новости. Пусть Петровых в селе у них и море, но не такое уж и большое их Железнодорожное. Найдет он сорванца, будьте уверены.

Михалыч и Костя переглянулись.

– Нам бы твою уверенность, – пробормотал эксперт. Киселев сделал вид, что не расслышал:

– Я дам задание нашему Петьке. Если убийство ритуальное, пусть собирает информацию, не было ли в городе или его окрестностях похожих трупов. Ребята, – он приложил руку к сердцу, – я страшно боюсь маньяков-фанатиков. Пусть лучше это будет обычная бытовуха.

Вот теперь, произнося эти слова, Павел сам себе не верил. С подобной бытовухой он еще не встречался. Правда, Прохоров его немного успокоил, поговорив со знакомыми сатанистами, с которыми уже однажды беседовал по аналогичному вопросу. Так называемые сатанисты (по мнению Пети, для них это просто было неким развлечением и спасением от скуки) клялись и божились, что не употребляли человеческую кровь и никогда не будут употреблять или использовать для своих ритуалов. А уж на старом сельском кладбище вообще из их компании никогда никто не кантовался.

– Может, появились местные конкуренты? – поинтересовался молодой оперативник.

Все рассмеялись:

– Да нас тут не так и много в районе. Мы все друг дружку

знаем как облупленных.

Старший лейтенант внимательно посмотрел в глаза этим парням и почему-то им поверил. На старом городском кладбище он еще при прошлом расследовании находил следы пребывания сатанистов, на сельском не было ничего, что позволило бы усомниться в их словах. Выходит, они говорили правду.

Когда Павел выслушал информацию, его лицо побледнело и майора охватило нехорошее предчувствие: это убийство не последнее.

Глава 2

В середине июня на Приреченск обрушилась небывалая жара. Под ногами плавился асфальт, от палящих лучей солнца люди спасались дома и на работе под кондиционерами. Катя Зорина, известная журналистка и автор популярных детективов, проводив утром на работу своего мужа, майора полиции Константина Скворцова, вернувшегося вчера поздно и рассказавшего ей о новом трупе на сельском кладбище, быстро одевала уже проснувшуюся двухгодовалую дочурку Полину, чтобы вместе с ней погулять в парке, находившемся недалеко от набережной. У каждого человека в родном городе есть свои любимые места – те, куда приходишь, когда грустишь, когда переполнен радостными чувствами, когда просто хочется отдохнуть. Об этом месте знаешь только ты, это место только твое, и ты никому о нем не расскажешь, только ему ты поверяешь свои радости и печали. У Кати тоже был такой любимый уголок – городской парк недалеко от их с Костей дома. Он немного напоминал ей зеленый массив, который окружал ее родной дом. Когда родители Зориной получили квартиру в девятиэтажке, вокруг нее были небольшие рощи, и они с родителями проводили там выходные дни и даже праздники. Но проходили годы, а с ними постепенно исчезали зеленые лужайки, посадки и кусты черемухи. На их месте построили новые жилые микрорайоны. И Кате стало

грустно, что ушли безвозвратно ее зеленые «друзья», которым она в детстве даже поверяла свои тайны. Жители посадили перед домом тополя и саженцы фруктовых деревьев, но эти деревья все-таки не вернули назад тех веселых мгновений, когда девочка свободно бегала по посадкам. Вот почему, когда Катя уходила в городской парк возле дома мужа, она все чаще ловила себя на мысли, что очень полюбила его – нежный и светло-зеленый весной, яркий и красочный летом, шуршащий и желтый осенью, тихий и белый зимой. От реки веяло прохладой. Журналистка, катя коляску с дочкой, замечала все попадавшееся на пути. Вот перед ней заколыхалась стайка березок-сестричек, их нежные, легкие листики дрожали на ветру, как крылышки на белом платье. Вот раскинули ветви могучие дубы.

– Поляночка, смотри, белка! – Палец Кати указал на ловкого зверька, прыгавшего с ветки на ветку. – Жаль, что мы сегодня ничего не взяли. Ну, ладно, завтра обязательно это сделаем.

Дочка рассмеялась в ответ и запрокинула голову. Зорина шла к самому прохладному месту парка, к скамейке у голубой ели. Здесь всегда было тихо. Изредка ее насиженное место занимали такие же мамы с колясками. Многим не нравилась тишина, в которой так нуждалась Катя. Сейчас ее лицо с тонким носом и большими голубыми глазами озарилось радостью. На скамейке никого не было. Журналистка, проходя сюда, выпускала девочку поиграть на зеленой травке, а сама

обдумывала очередную статью или эпизод романа. Молодая мама поставила коляску у ели, а сама принялась вытаскивать из пакета ведерко, совок и маленькие грабельки. Полина с нетерпением смотрела на мать и ждала, когда ее выпустят «на волю».

– Все, моя хорошая. – Сильные Катины руки вытащили ее из коляски. – Сейчас мы погуляем по травке.

Дочь что-то залопотала в ответ. Зорина опустила ее на землю, и Полина сразу схватила ведро.

– Если тебе сегодня повезет, ты насобираешь шишки, – сказала ей журналистка. Девочка уже не обращала на нее внимания. С соседнего дуба на ель перескочила белка, и Полина не сводила с нее глаз.

– И она сюда пришла. – Катя хотела еще что-то добавить, но осеклась. Возле скамейки стояла невысокая женщина лет тридцати пяти, с красноватыми волосами, падавшими на плечи, и усталым серым лицом. Интересно, как ей удалось пробраться так незаметно? Обычно под ногами скрипели прошлогодние желуди, и журналистка всегда ловила каждый звук. Значит, Катя отвлеклась на зверька, но не в этом дело. Ей показалось, что она уже где-то видела эту даму. Но когда и где? Зорина бросила взгляд на незнакомку, нарушившую ее идиллию, и та виновато потопталась на тропинке:

– Извините меня, пожалуйста. Я специально прогуливалась в этом парке несколько раз, но все не решалась заговорить с вами. Вы ведь Екатерина Зорина, правильно?

Журналистка кивнула:

– Да.

– А я Светлана Иконникова, – представилась женщина. – У меня к вам деликатное дело. Я знаю, вы проводите журналистские расследования. Мы регулярно смотрим ваши программы и читаем статьи. И я очень прошу вашей помощи. – Она поежилась, словно от холода. – Вы ведь поможете мне?

Зорина пожала плечами:

– Смотря в чем. Я не волшебница.

Светлана сжимала и разжимала кулаки:

– Видите ли, у меня пропал брат, и я готова на все, чтобы его найти. Я долго не решалась с вами заговорить, – повторила женщина. – Но теперь набралась храбрости...

– Но я не занимаюсь поисками пропавших людей, – пояснила Катя. – Это работа полиции. Напишите заявление – и они займутся вашим делом.

Дама покачала головой:

– Они, конечно, примут мое заявление, но дальше этого не пойдет...

Зорина прищурилась:

– Интересно почему?

– Потому что когда они узнают о моем брате, его никто не станет искать, – проговорила дама. – Они, конечно, примут заявление, но на этом все и закончится, – повторила она.

Катя подняла брови:

– Поясните все же, почему вы так считаете.

– Да потому что... – Она вдруг осеклась. – Можно, я все расскажу по порядку? Если у вас есть время, выслушайте меня, пожалуйста.

Журналистка бросила взгляд на дочурку, которая сидела тихо и перебирала цветочки, найденные ею в густой траве.

– Ладно, расскажите. Только предупреждаю вас...

Женщина подняла руку:

– Я прошу лишь выслушать. Разумеется, если вы скажете «нет», я повернусь и уйду. Придется мне самой что-то делать.

Катя кивнула:

– Я вас слушаю.

Дама нервно потеряла подбородок:

– Видите ли, мой брат – сын моей матери от первого брака. Его отец оставил семью, когда Жорику было два года. Потом мама встретила моего отца, они поженились, и родилась я. Мне всегда казалось, что папа не делает разницы между мной и моим единоутробным братом, но я ошибалась. Мать, как она позже мне призналась, любила его гораздо меньше меня. Он напоминал ей первого мужа, так подло бросившего ее. Вероятно, Жора это все чувствовал, и его курение и распитие спиртного в одиннадцать лет были не следствием испорченности, а криком души: «Обратите на меня внимание! Докажите, что я вам нужен!» Однако крик остался без ответа. Мамины соседи говорили ей, что видели Жору с сигаретой в зубах и бутылкой пива, но она отмахивалась: «Следите

за своими». К десятому классу брат уже, наверное, нуждался в лечении. Естественно, в институт он не поступил, даже не пошел на экзамены, хотя мой отец, как он сказал, договорился с нужными людьми. Год моя семья добросовестно терпела Жору. Он не работал, просаживал родительские деньги и к тому же связался с компанией, которая нападала на ларьки и торговые палатки. Пару раз отец отмазал его, но в один прекрасный день заявил матери:

– Я понимаю, он твой родной сын, но мое терпение лопнуло. Если мы не выгоним его, то уйду я и заберу дочь.

Я слышала этот разговор, и до меня донесся робкий голос матери:

– Но куда мы его денем?

– Я предлагаю отдать ему кое-что из наших сбережений на черный день, – ответил отец. – Пусть снимет квартиру, устроится на работу. Если у него все наладится, мы снова примем его.

Мама согласилась. Она после первого развода панически боялась остаться одна, потерять и этого мужа:

– Хорошо.

Когда Жора явился вечером домой, как всегда, в хорошем подпитии, отец огорошил его:

– Знаешь, дорогой, мы с тобой достаточно долго возились. Вот. – Он вытащил деньги, приличную сумму. – Это тебе. Мы решили с матерью: начинай самостоятельную жизнь. Тебе скоро в армию. Хотя бы до этого времени постарайся не

беспокоить нас своими проблемами. Если у тебя все наладится и ты устроишься на работу и начнешь жить правильно, приходи. Дверь нашего дома для тебя всегда открыта.

Помню, как брат ухмыльнулся, взял деньги и бросил через плечо:

– Значит, откупаетесь. Ну что же, по крайней мере, честно.

Он хлопнул дверью, и я не видела его двадцать пять лет. Двадцать пять лет, представляете? Я успокаивала себя только одной мыслью – моя мама наверняка общается с ним каким-то образом, не может же ее не интересовать, что стало с родным сыном. А мой отец даже не вспоминал о нем. Мы жили счастливо. Я вышла замуж и потом развелась. Через несколько лет папа скоропостижно умер от тромба, а вскоре у мамы обнаружили рак, причем уже неоперабельный. Перед смертью она постоянно говорила мне:

– Света, мы несправедливо обошлись с твоим братом, теперь я чувствую себя виноватой перед Жорой. Прошу тебя, отыщи его. Скажи, что я умираю и хочу его видеть.

– Как же я его отыщу? – поинтересовалась я, думая: она мне подскажет, ведь не может быть, чтобы мать не общалась с сыном двадцать пять лет. Однако она развела руками:

– Не знаю. С тех пор как он ушел... Если что, не забудь: он тоже имеет право на эту квартиру. Ты порядочная девочка, ты поступишь с ним по совести.

Я не решилась бросить в лицо умирающей обвиняющие

ее слова:

– Ладно, постараюсь. – Она взглянула на Катю. – Мне пришло в голову расспросить о нем бывших друзей, которые жили в нашем доме. Но многие разъехались, остался только Гришка Иванов, прочно обосновавшийся с семьей на жилплощади родителей. Несмотря на то что он клялся и божился: мол, никаких отношений с Жорой не поддерживает, я чувствовала, что это не так, и сказала ему: «Если ты вдруг случайно встретишь Жору, передай: мать умирает и хочет перед смертью его видеть». Гриша ничего не обещал, мама умерла, а на третий день после похорон явился Жора. Посмотрев на него, я сразу поняла: самостоятельная жизнь не пошла на пользу этому человеку. Он продолжал и продолжает пить. Я сообщила ему о смерти мамы, однако на его землистом лице ничего не дрогнуло:

– Это должно было когда-нибудь случиться...

Ничего не сказав, брат поселился в нашей трехкомнатной квартире в центре Приреченска. Он ничего не рассказывал о своей прежней жизни, беззастенчиво брал у меня деньги и пропивал, не думая устраиваться на работу. Я терпела его, пока в моей жизни не появился Аркадий. Я влюбилась в него, как девочка. Какое-то время мой гражданский муж содержал Жору, но его пьянки и пьяные дебоши в подъезде, давно надоевшие жильцам, опротивели и Аркадию. Как когда-то отец, он поставил ультиматум мне:

– Выбирай – я или он.

Разумеется, я сказала, что воля моей покойной матери — не оставлять брата в беде.

Он ухмыльнулся:

— А мы и не оставим. Дадим ему денег, пусть снимет квартиру и устраивается на работу.

Я было запротестовала:

— Эта жилплощадь принадлежит и ему также...

Аркадий развел руками:

— Вот мы и будем давать ему деньги, выплатим его долю. Ты разве не видишь: он все равно все пропьет. Если мы сейчас не поставим вопрос радикально, он сделает все, чтобы выжить нас из квартиры: будет водить пьяных дружков, проституток и без смущения брать наши деньги. Между прочим, мне нужно платить алименты... И я не хочу содержать твоего братца-алкоголика... Но тебе решать, дорогая.

Я подумала. Его слова казались не лишены смысла:

— Я согласна.

Когда брат явился вечером, правда, не очень пьяный, способный еще что-то воспринимать, я сказала ему:

— Жора, так дальше продолжаться не может. Ты мешаешь нам жить. Мы с Аркадием предлагаем выгодный для обеих сторон вариант. Мы даем тебе деньги, ты снимаешь квартиру и пытаешься устроиться на работу. Не думай, я ни на секунду не забыла, что эта квартира принадлежит также и тебе. Поэтому мы каждый месяц станем давать тебе деньги, до тех пор, пока не выкупим нашу долю. Мы можем пойти вме-

сте в риелторское агентство и узнать стоимость нашей жилплощади. Так что в крайнем случае завтра ты должен отсюда съехать.

На мое удивление, Жора не стал возражать:

– Ладно, сестренка. Ты ни в чем не виновата, просто дочь своих родителей. Раз я не был нужен родителям, то тебе тем более. Я не стану мешать тебе строить личную жизнь. Возможно, с деньгами вы неплохо придумали. В общем, гони бабки, и я смываюсь прямо сегодня. Только напоследок дам хороший совет насчет твоего борова. Мне он не нравится, и вряд ли у вас получится что-нибудь. Но это так, совет алкоголика, и ты можешь к нему не прислушиваться. В общем, гони монеты.

Я протянула ему деньги, он собрал свой нехитрый скарб и растворился в темноте. На прощание мы договорились, что пятнадцатого числа каждого месяца Жорик будет приходить за деньгами.

Зорина понимающе кивнула:

– Сегодня уже двадцать первое. Вас беспокоит, что он не пришел. Однако это не значит, что с ним что-то случилось. Вы ведь сами сказали: ваш брат – алкоголик. Он спокойно может лежать в белой горячке у какого-нибудь дружка или у своей сожительницы, такой же пьянчужки, и просто забыть о деньгах. Ваш Жорик обязательно появится, когда они ему понадобятся. Значит, сейчас он просто в них не нуждается. Идите домой и ни о чем не думайте.

Светлана покачала головой:

– Все не совсем так, как вы говорите. Я второй раз испытала чувство вины перед братом и теперь не желаю просто откупаться от него. Пусть он, как говорит Аркадий, конечный алкоголик, однако я сделаю для него все и прежде всего постараюсь вылечить. Мать и отчим не попытались ему помочь, а я попытаюсь. Иначе говорить о нормальной жизни, которую он когда-либо начнет, просто бессмысленно.

Журналистка пристально посмотрела на собеседницу:

– Судя по всему, вы сами живете небогато. Откуда вы возьмете деньги еще и на дорогостоящее лечение? Ваш Аркадий вряд ли вам их предоставит.

Она покраснела:

– У меня появилась возможность подработать. Мужу я ничего не скажу. Поверьте, у меня хватит средств выплачивать Жоре его долю и еще попробовать полечить его от алкоголизма. А на себя... На себя заработаю потом. Я должна выполнить просьбу умирающей мамы.

– Тогда ждите, когда ваш брат появится сам, – предложила Катя.

Светлана поежилась:

– Возможно, вы будете смеяться, но есть еще кое-что. Понимаете, я привыкла доверять своей интуиции. Так вот, шестое чувство подсказывает: Жорик в беде и нуждается в помощи. Прошу вас, найдите его. Вы же помогли моей знакомой Оксане отыскать ее пропавшую подругу Нину Лапико-

ву. Наверное, и Оксане что-то подсказывало: с Ниной беда.

Зорина слегка улыбнулась:

– Это другое. И притом она просила только адрес Нины. Потом все закрутилось само собой.

Женщина опустила плечи:

– А если у меня такой же случай? Пусть Жора алкоголик, но он все же человек и тоже имеет право на помощь. – Она осеклась, так нелепо звучали ее слова. Катя не стала ее добивать, хотя могла парировать: как раз семья Светланы дважды выгнала мужчину из дома. Между прочим, она сама указала ему на дверь ради сожителя, который даже не женится на ней.

– В крайнем случае хотя бы узнайте, не значит ли такой среди неопознанных трупов в соседних городах или селах, – проговорила Светлана. – Ваш муж может это сделать.

Журналистке вдруг стало жаль эту непутевую женщину, и она сдалась:

– Ну, ладно. Я попрошу его. Оставьте свой мобильный. Кроме того, мне понадобится фотография вашего брата, желательно самая последняя.

Дама радостно закивала:

– Я скину ее вам на телефон сию же минуту. За несколько дней перед его уходом я щелкнула его дома шутки ради.

Она засуетилась, достала мобильный и произвела необходимые действия. Катя посмотрела на фотографию мужчины, ее брата. Его кирпичный цвет лица говорил о пристрастии

к алкоголю, однако само лицо выглядело на редкость симпатичным и доброжелательным. Кто знает, кем бы он стал, если бы не родительское равнодушие? Зорина вздохнула:

– Постараюсь хоть чем-то вам помочь.

– Как мне вас благодарить? – произнесла Светлана.

Журналистка нахмурилась:

– Лучшая для меня благодарность – знать, что вы действительно осознали свои ошибки и больше их не повторите.

Светлана сняла:

– Так оно и есть. До свидания. Я жду вашего звонка.

– До свидания.

Она неслышно зашагала по тропинке. Какое-то время Катя смотрела ей вслед, а потом повернулась к дочери:

– Какая ты у меня умница! И чем же мы занимаемся сейчас?

Полина сосредоточенно возила в траве маленькими грабельками. Зорина взглянула на часы:

– Скоро обедать. Мамочке еще нужно приготовить моей дочурке супчик. Да и папа может подойти. Я хочу сделать ему пельмешки. Думаю, он не станет возражать.

Полина что-то гукнула в ответ и зевнула.

– Все понятно, мы уже и поспать не против. – Зорина посадила дочь в коляску и пошла к выходу из парка. По дороге она думала о Светлане. Ее просьба отыскать брата-алкоголика, несмотря на видимую искренность, казалась странной. В проснувшуюся совесть Зориной верилось с трудом, хотя та-

кие случаи встречались в ее жизни. Судя по одежде, она едва сводит концы с концами. Гражданский муж платит алименты. Вряд ли мысль отдавать Жоре деньги за его долю в квартире, которые тот все равно пропьет, всегда радовала их. Про подработки тоже верилось с трудом. Если Светлана не врет, она просто альтруистка в высшей степени. А если узнает любовник, она что, уже не боится его потерять? Да в ее ситуации каждый бы плясал от счастья, когда братец не явился в назначенный срок за бабками. Однако ей вдруг взбрела в голову идея найти его и попытаться помочь. И вдруг журналистку прошиб холодный пот. Она могла обратиться с просьбой отыскать брата только в одном случае при такой ситуации: если знала, что он мертв. Тогда Света – единственная наследница трехкомнатной квартиры в центре города. Правда, женщина говорила: родители отписали квартиру на нее, но ведь Катя не видела этого завещания. А что ей стоило солгать? В общем, следовало все проверить. Зорина, так сопротивлявшаяся вначале, вдруг заинтересовалась этим делом. Она достала из сумочки телефон и набрала мужа:

– Привет, Костя. Как дела?

– Нормально. – Он никогда не беспокоил жену своими проблемами, как и она его. – Что-то случилось?

– Мы погуляли с нашей дочуркой, теперь идем домой, – пояснила журналистка.

– Жаль, что она еще плохо говорит, – откликнулся майор. – В противном случае ты дала бы ей трубочку, и я сказал

бы ей, как ее люблю.

– У тебя еще будет масса таких возможностей в этой жизни, – рассмеялась Катя и вдруг посерьезнела. – Костя, я звоню по делу. Кажется, у меня наклеивается интересный материал для будущего журналистского расследования и для прекрасной статьи и передачи. Не знаю, напишу ли книгу, но статья получится довольно поучительной. В последнее время мы задыхаемся от человеческого равнодушия, и сегодня я столкнулась с очередным его проявлением. У тебя есть минутка, чтобы меня послушать?

– Как раз собираемся пить чай с Павлом, тебе привет, – проговорил Скворцов. – Поэтому я тебя с удовольствием слушаю.

Зорина рассказала мужу о встрече со Светланой и о ее просьбе.

– Теперь она хочет не только отыскать его, но и затратить уйму денег на его лечение, – пояснила журналистка. – Это показалось мне странным, и я решила ей помочь. Костя, сейчас я перешлю тебе его фото, а ты проверишь по базе: не значится ли такой среди неопознанных трупов.

– Сделаю, – отозвался супруг. – Высылай.

– Сию минуту, и жду звонка, – ответила Катя. – А Павлу тоже передавай привет.

Зорина выслала мужу фото и очень удивилась, когда он перезвонил через несколько секунд.

– Не представляешь, как кстати оказалась твоя просьба.

Помнишь, вчера ночью я рассказал тебе про мужчину, которого обнаружили на сельском кладбище в подвешенном состоянии и обескровленного? Мы с самого утра тщетно пытаемся установить его личность. Это Георгий Дьяченко, брат Светланы, обратившейся к тебе за помощью. Ты, считай, свое задание выполнила. Теперь дело за нами.

Он хотел отключиться, однако супруга остановила его:

– Подожди. Кажется, ты обмолвился, что он был убит каким-то необычным способом.

– Верно, – откликнулся Костя. – Кто-то приволок его на кладбище, повесил на дерево и либо там собрал всю кровь, либо где-то в другом месте, доставив на погост уже обескровленный труп.

– Как ты понимаешь, я не могу упустить такой материал, – ответила Зорина. – Так что, ребята, хотите вы или не хотите, я через полчаса буду у вас. Тем более твоя мама сегодня собиралась навестить внучку.

Скворцова смутили слова жены:

– Ты не можешь пожаловаться, что мы когда-нибудь были тебе не рады. Наоборот, ты у нас «свежая голова».

– Хоть этим порадовал, – усмехнулась женщина. – В общем, ждите.

Произнеся эту фразу, она посмотрела на дочку, сосредоточенно рассматривавшую куклу, и в который раз почувствовала укол совести. Вот как в жизни бывает... Как говорится, человек предполагает, а бог располагает. Когда у них

родилась Полинка, они с Костей дали торжественное обещание, что никакая работа не помешает им уделять ребенку максимум внимания. Однако ничего такого не получилось. Первым «поплыл» Скворцов. Одно сложное дело – убийство его приятеля – заставило майора выйти из отпуска, а правильное сказать, проводить расследование, из отпуска не выходя. Журналистка же в это время находилась в законном декретном, однако звонок главного редактора Анатолия Сергеевича Пенкина заставил ее оторваться от пеленок и приготовления каш на молоке и вернуться к работе журналиста, ведущего криминальную хронику. Возможно, в другой момент Катя бы категорически отказалась это сделать, но в данном случае дело одноклассника и приятеля мужа Михаила Железнова непостижимым образом переплелось с делом об убийстве ее подруги и коллеги Галины. Вот так два молодых родителя переложили многие заботы на плечи бабушек и дедушек, которые взялись за воспитание внучки в отсутствие родителей с удовольствием. Зорина и Скворцов дали себе обещание: закончат дело – и вернутся к ребенку, однако за ним последовало следующее, потом еще и еще, и супруги смирились. Вот и сейчас... Катя могла отказаться от участия в расследовании этого преступления, но рассказ Светланы Иконниковой пробудил в женщине жалость к несчастному парню. И она во что бы то ни стало захотела изобличить убийц. Журналистка знала: полковник, начальник отдела Алексей Степанович Кравченко, очень честный и принци-

пальный работник правоохранительных органов, но убийство бомжа он вполне мог спустить на тормозах, причем его непосредственное начальство, генерал Лебедев, любивший отметать в сторону подобные происшествия, был способен надавить на полковника. Вот почему Катя никак не хотела оставаться в стороне. Она прибавила шаг и вскоре втаскивала коляску в квартиру.

Глава 3

Киселев оказался прав, когда заявил, что Сидельников очень обязательный и дотошный участковый. В ту ночь Василий не мог уснуть, а рано утром отправился на кладбище. Егор Ильич еще дремал, и капитан потряс его за плечо:

– Пора вставать.

Трифонов еле разлепил веки и открыл рот. На Сидельникова пахло перегаром.

– Тонька вчера обещала прийти, – пояснил он, как вначале показалось Василию, ни к селу ни к городу. – Но не пришла, оторва. В общем, ту бутылку пришлось самому выпить – не пропадать же добру.

– Не пропадать, – согласился участковый и присел на топчан, заменявший кровать, – но придется тебе сейчас напрячь память и кое-что вспомнить.

Ильич крикнул, поднялся, взял бутылку и плеснул в стакан то, что осталось на доньшке:

– Так лучше вспоминается. Давай, что у тебя.

Василий с презрением посмотрел на него:

– Ты хоть вчерашний день помнишь?

В глазах Трифонова засветилась обида:

– Еще бы... Ты уж меня совсем алкашом считаешь. Выяснил, кто этот несчастный?

– Дело быстрее пойдет с твоей помощью, – парировал ка-

питан. – Вчера мы здесь нашли один спортивный ботинок, помнишь? И ножик с отпечатками ребенка...

– А еще детские следы, – вставил Ильич.

– Точно. На ботинке была написана фамилия, – продолжал Сидельников. – Не запомнил какая?

– Петров, – твердо сказал сторож.

– Молодец, – похвалил его капитан. – Только, сам знаешь, этих Петровых у нас в селе как собак нерезаных. Забегал я в автолавку, которая этой обувью торговала. Продавщица мне сказала: мол, другой спортивной обуви не было, ее приобрели чуть ли не все жители Железнодорожного. А посему я уверен: к каким Петровым ни приди – у всех эти дурацкие китайские кеды. Так что без тебя не обойтись. Может, поковыряешься в памяти, чей ребенок иногда на кладбище наведывался?

Сторож потер переносицу и сунул в рот заветренный кусочек ветчины, отпугнув кружившихся над ним мух.

– Черт его знает... Хотя постой... – Он хлопнул себя по морщинистому лбу. – Ваньки Петрова ребенок тут часто крутился. Я даже его гонял отседова. Правда, жаль мальчика, – вздохнул Ильич. – Ты сам знаешь, какая у него семья – врагу не пожелаешь. Дашка с утра до ночи на рынке торгует, сыном не занимается, а глава семьи пьет не просыхая. Говорят, их старший Валерка в город подался и прекратил с ними всякие отношения. Он, мол, менеджер в какой-то фирме и стыдится своих родителей. Разве это по-человечески?

– С Валеркой у меня был разговор, и он обещал брата забрать, как только обзаведется жильем получше, – заметил капитан. – А вот по отношению к родителям парень категоричен, и его можно понять. Сам школу на отлично закончил, в институт поступил. Сначала на каникулы в родное село навещался, а потом перестал. Представляешь, Ванька не то что ни копейки ему не дал, а сам по карманам сына шарил. Когда Валерка перестал их навещать, они с Дашкой к нему в город наведались, скандал возле работы устроили. Гони, мол, сыночек, монету. Мы тебя родили и как никак воспитывали, вон ты каких высот достиг. А тот эту пьяную компашку отправил подальше. С тех пор сюда не ездит, а брату деньги на карточку переводит. Хоть и взял с него обещание, что папаше и мамаше ничего давать не будет, чует его сердце: жалеет их малой, втайне от брата монетки подкидывает. В общем, придется к ним наведаться.

Егор Ильич ахнул:

– Думаешь, он бродягу прикончил?

Сидельников развел руками:

– Не знаю, что и думать, – честно признался он.

* * *

Дом сельского пьяницы Ивана Петрова находился на окраине. Василий толкнул ветхую калитку, жалобно скрипнувшую от его прикосновения, и зашел на огород, зарос-

ший травой. Создавалось впечатление, что хозяин специально выращивает сорняки, которые достигали пояса участкового. Небольшой домишко с прохудившейся крышей заставил его сердце сжаться от жалости. Здесь жил ребенок, страдавший от пьянства родителей. Сидельников уже подошел к покосившемуся крыльцу, когда Иван вышел из сарая, грозившегося повалиться от порывов ветра. Заметив капитана, он скривился:

– И чего ты у нас забыл, мент?

Василий попытался изобразить улыбку:

– Забывать мне у тебя нечего. Так, увидеться пришел.

Осоловелые глазки прошлись по плотной фигуре участкового:

– Ну, посмотрел? Теперь иди с богом.

Капитан подошел ближе:

– Эх и нерадушный ты хозяин, Иван. Другой бы в дом пригласил, чаем напоил. Или даже заварки жалко?

Петров немного поразмышлял и махнул рукой:

– Заходи.

Сидельников прошел в комнату, пахнувшую сыростью, в воздухе витал запах, который участковый сразу узнал. Такой запах можно было уловить во многих домах.

– Опять Дашка самогон варила?

Иван посмотрел на него зверем:

– А допустим, варила. Надо же нам на что-то жить? У нас вот Славка растет, ему одежда требуется и, между прочим,

еда. Старший наш, Валерочка, чтоб ему пусто было, забыл о родителях. Он там в городе машину покупает, а отцу на хлеб не может прислать. Ты бы с ним разобрался, капитан. Нет такого закона, чтобы родителей забывать.

– А ты много о нем помнил, когда он с тобой жил? – парировал Сидельников. – Как вспомню, в каких сапогах Валерка ходил, так сердце кровью обливается. Зима, мороз, а они каши просят.

Петров хмыкнул:

– Добреньким быть, знаешь, хорошо, когда материальное положение позволяет. Вот ты на государственной службе состоишь. Тебе государство каждый месяц зарплату платит. Твоя Машка жалуется, что небольшую, да только ты ее исправно получаешь. А мы с Дашкой... Ты хоть помнишь, кем я работал, когда наш колхоз еще жил?

Капитан кивнул:

– Отчего ж не помнить... Ты работал трактористом...

– Верно. – Иван подошел к столу и плеснул в стакан самогона. – Тебе не предлагаю, все равно откажешься. А еще ты помнишь, как меня на Доску почета вешали? А как грамотами награждали? То есть не совсем я пропащий, голубь ты мой сизокрылый. А когда колхоз развалился, куда мне податься? Дашка в нем дояркой трудилась. А ей что делать? Нравится мне, знаешь, разглагольствования некоторых: мол, зачем пить, ищите работу и живите, как нормальные люди. А где ее найдешь, эту работу? Может, ты подскажешь?

Василий молчал. Хозяин еще больше распалился:

– Иные говорят: в город подайся. Ну, допустим, подался я в город. А там разве трактористы требуются? Или доярки? Скажешь: работай на другом месте. А квартиру снимать? Деньги требуются. Только у меня ни копейки лишней за душой, а ребенка кормить надо.

– Что же ты пропиваешь деньги, которые Валерка Славке высылает? Думаешь, никто об этом не знает? – сурово спросил Василий.

Иван покраснел:

– Да если и пропиваю, то самую малость. Все на Славку идет.

– Что ты ему купил? – поинтересовался участковый.

Петров почесал затылок:

– Да много чего. Дашка этим занимается.

– Спортивная форма у него имеется? – проговорил Василий. – А то я недавно видел детей наших на уроке физкультуры. На некоторых смотреть больно.

– Ботинки ему Дашка недавно приобрела, в начале мая, кажись, – вспомнил хозяин. – А штаны у него и без того нормальные.

– Где его ботинки, показать можешь?

– Отчего ж не показать? Пойдем, – пригласил Петров. Они вошли в темную комнату Славы. Все в ней кричало о вопиющей бедности. Кроме стола, стула и кровати, больше ничего не было. Иван открыл дверцу кладовой:

– Вот один, гляди. Сейчас и второй отыщу. – Он начал рыться в обуви. – Куда же он задевал его, постреленок? Может, ты поверишь мне на слово? Я с утра на ногах, устал, не хочется копать.

– А поговорить с твоим Славой можно? – задал вопрос участковый.

Иван нахмурился:

– А тебе зачем? На меня накопать хочешь? Ну, черт с тобой, копай, коли больше делать нечего.

– Да... – Сидельников не закончил фразу.

Слава Петров стоял в дверях комнаты и удивленно смотрел на него:

– Здравствуйте, дядя Вася.

Испитое лицо отца побелело:

– Знаешь, зачем капитан пожаловал? Будет у тебя показания брать, как мы с матерью над тобой издеваемся. Если ты в своего братца пошел, давай, топи отца.

Слава заморгал белесыми ресницами:

– Ничего они надо мной не издеваются.

– Пойдем поговорим. – Василий взял его за руку. Мальчик слабо сопротивлялся:

– Говорить ничего не буду. Батька он мне все-таки.

– Батька, – согласился капитан. – Поэтому не стану я тебя пытаться. Так, пару вопросиков.

– Иди, он ведь не отстанет, – встрял отец. Слава медленно поплелся за участковым. Они вышли на улицу.

– А чего дома не допрашивали? – поинтересовался паренек.

– Да больно уж дело деликатное, – пояснил Сидельников. – В принципе меня сейчас твои алкоголики-родители не волнуют, хотя когда-нибудь я до них доберусь. Ты лучше честно признайся, зачем на кладбище шастаешь.

Мальчик побледнел:

– А вам какое дело... Бабку с дедом навещаю. Если бы они были живы, многое, может, по-другому было.

– Егор Ильич тебя в разных концах нашего кладбища видел, – не поверил ему участковый. – Говори правду, все равно дознаюсь.

Слава махнул рукой:

– Ладно. Ритуал я там проводил.

Василий вытаращил глаза:

– Какой ритуал?

– Хотел отца и мать заговорить от пьянства, – выпалил Славка. – Я к бабке Василисе ходил. Она все заклинания знает. Она меня и научила, как родителей вылечить.

Сидельников похлопал его по плечу:

– Интересно. Ну-ка, поведай мне.

– Нужно дать собаке кость и тут же отнять, – начал говорить мальчик. – А потом прочитать заклинание и отдать кость черному барану. Спустя три дня необходимо отнести ее на кладбище к свежей могиле и оставить возле ограды. Василиса клялась, что заговор очень действенный.

– Возможно, – не стал спорить капитан, думая, когда бы наведаться к этой бабке Василисе. – Значит, ты взял кость...

– И сунул в пасть нашему Тузику, – пояснил школьник, – а потом сразу же забрал. Вот с черным бараном пришлось туговато. Сами знаете, в нашем селе скоро ни одной овцы не будет, не то что барана. Его я отыскал только у мужика, который свою ферму здесь строит, ночью перелез через ограждение и несколько раз ткнул ею ему в морду, а потом вернулся домой.

– То есть на кладбище ты искал свежую могилу, – догадался капитан.

Мальчик кивнул:

– Именно так, дяденька. Только это оказалось не так-то просто. Нормальные люди у нас давно не умирали, а к пьяницам подкладывать ее не хотелось. Вот я и бродил по кладбищу, впрочем, так ничего подходящего и не увидел.

– А вчера ночью тоже бродил? – спросил участковый. Слава взглянул ему прямо в глаза.

– Вчера мамка пьяная пришла, кричала сильно. Затем батька заявился, и пошла у них потасовка. Я родителей разнимал, не до кладбища было.

– Допустим, я тебе верю, – проговорил Василий. – Тогда последний вопрос. Где твой второй спортивный ботинок? Не на кладбище забыл?

Слава покраснел:

– Я так и понял, что вы про него спросите. Наверное, тот

фермер нашел его и попросил вас отыскать вора. Но я ничего у него не крал, просто подложил кость барану, а потом забрал. Пусть все хорошо проверит и убедится, что ничего не пропало. Мне его добро не нужно, я хочу родителей вылечить.

Сидельников кивнул:

– Ладно, я сейчас навещу этого фермера. Если твои слова подтвердятся, больше беспокоить не буду. Об одном только попрошу – не давай ты Валеркины деньги родителям. Ну, подумай и о брате тоже. Он в поте лица их зарабатывает, а папаша и мамаша пропивают. Разве это дело?

Славик заморгал:

– А что вы мне посоветуете? Они тоже есть хотят и пьют не от хорошей жизни.

Василий собирался привести еще пару аргументов, но передумал:

– Черт с тобой. Поступай, как знаешь.

Участковый по-мужски пожал руку Петрову-младшему и отправился к фермеру, который совсем недавно приехал в Железнодорожное, чтобы завести хозяйство. Он отгородил забором довольно большой участок земли, привез домашний скот, засеял небольшое поле и ждал урожая. Этот человек почти ни с кем не общался, и Сидельников не знал, как его зовут. Впрочем, к его удивлению, фермер принял участкового приветливо:

– Спасибо, что ко мне пожаловали. Честно говоря, сам

собирался к вам идти.

Капитан изобразил удивление:

– Правда? Вас кто-то беспокоит?

– Когда я затевал свое дело в этой глуши, то не учел самого главного, – признался фермер. – Здесь остались одни алкаши. Все нормальные давно переехали в город. Вот теперь за это и расплачиваюсь. Воры ко мне ночью пробрались, товарищ капитан.

– Воры? – удивленно вскинул брови Сидельников. – Вообще, народ здесь порядочный, хоть и выпивающий.

– Пьяница не может быть порядочным, – со знанием дела заявил фермер. – Кто-то перелез через ограду и, вероятно, хотел стащить моих баранов, но не сумел перекинуть их через забор. Да вы полюбуйтесь, что я обнаружил... – Он махнул рукой, приглашая Василия следовать за собой. На полу просторной веранды большого каменного дома красовался спортивный ботинок. – Вот, обувь вор свою забыл. Судя по всему, ребенок. Ну, правильно, взрослому, да еще выпившему, преграду не одолеть, они уже детей своих к воровству приучают. – Он поднял ботинок. – Возьмите, товарищ капитан, и найдите этого проходимца. А я в долгу не останусь.

Сидельников взял протянутый ботинок:

– Обязательно найду. И, даю слово, больше он к вам не залезет. А деньги поберегите для дела. Они еще вам пригодятся.

Распрощавшись с фермером, капитан отправился к Ильи-

чу. Он хотел попытаться разговорить сторожа еще раз. Вдруг Трифонов вспомнит еще что-нибудь? Идя к кладбищу, участковый и не предполагал, что сегодня день везения и он обойдется без воспоминаний Ильича. Когда до погоста оставалось совсем близко, зоркие глаза Василия увидели мальчишку, перемахнувшего через ограду кладбища. Паренек привлек внимание капитана по нескольким причинам. Во-первых, его зачем-то потянуло к могилам. Во-вторых, на его худых ногах красовались резиновые сапоги, что могло означать потерю спортивной обуви, а в-третьих, мальчик тоже звался Петровым, только Николаем, и приходился сыном Григорию.

– Коля, иди сюда, – позвал его Сидельников, вовсе не ожидая, что, услышав его крик, паренек встрепетается, как испуганная птица, и что есть силы побежит в село. Для Василия это означало одно: хлопчик виновен, и мужчина припустил следом. Впрочем, бежать Кольке особо было некуда и незачем. Участковый знал, где живут его родители, тоже любившие принять на грудь, и обязательно дождался бы его в родном доме, однако в тот момент мальчик об этом не думал. Он летел, как хорошая скаковая лошадь, и полицейский начал задыхаться и отставать, как вдруг – поистине день везения – ребенок поскользнулся на мокрой глине и растянулся возле большой лужи. Капитан подскочил к нему и схватил за руку:

– Сбежать вздумал? Сразу понял, зачем понадобился? А ну пойдем в отдел.

Колька шмыгнул носом:

– Дяденька участковый, о чем вы говорите?

– Пропавший ботинок искал? – поинтересовался Сидельников. – Надо же, какая неудача – еще и ножик посеял. Что, у нас в Железнодорожном дети уже стали людей резать? На ноже, между прочим, остались следы крови. Да и обувь ты спортивную подписал. И не советую отпираться. Криминалисты из города вмиг докажут, что это все твое.

Петров неожиданно смирился:

– Ладно, ведите меня в свой участок. Все расскажу, как на духу.

Сидельников достал мобильный:

– Не только мне расскажешь. Дождемся полицейских из города. Они тоже с удовольствием тебя послушают.

Петров кивнул:

– Черт с вами, дядя Вася. Вызывай. Не хочу отвечать за другого. Все расскажу, клянусь.

Когда Киселев услышал, что Сидельников не обманул его надежды, он радостно сообщил об этом Скворцову:

– Берем Петьку и гоним в Железнодорожное.

Оперативники прибыли довольно быстро и с любопытством уставились на щупленького мальчугана с огромными черными глазами, смотревшего на них с испугом.

– Дяденьки, – повторил он, – я, честное слово, никого не убивал.

Полицейские переглянулись.

– Пока тебя никто ни в чем не обвиняет, Коля, – сказал Павел. – Давай по порядку, ничего не пропуская. Будешь лгать – мы это сразу поймем, на то мы и полиция.

Мальчик набрал в грудь воздуха, и его затрясло.

– Это очень страшно, – проговорил он, и его лицо побледнело. – Это ужасно, дяденьки полицейские.

Перед его глазами снова возник тот жуткий день. После обеда они с ребятами отправились к речке, и Коля стал с увлечением рассказывать им про книгу «Сумерки», которую взял в школьной библиотеке и с удовольствием читал. Он давно уже замечал, что приятели завидовали ему. Учителя выделяли парня и хвалили, отмечая его начитанность. И действительно, Коля обожал книжки. Они уносили его в неведомый прекрасный мир, где не было пьяных родителей, щедро отвешивающих подзатыльники, и плачущих маленьких братьев и сестер, страдавших от недоедания. Взяв сагу «Сумерки», он влюбился в вампиров вопреки представлениям людей, здесь выказывавших глубокие и сильные чувства. Парни сначала слушали его с интересом, а потом Сашке Попову надоело, что какой-то жалкий хлюпик Петров завладел вниманием его ватаги, и он грубо оборвал его:

– Значит, по-твоему, всякие вампиры и мертвецы хорошие и хорошие?

– Да, – кивнул Коля, не раздумывая. Он и не предполагал, к чему приведет его опрометчивый ответ. Сашка подмигнул ребятам:

– А коли так, давай поспорим, что ты никогда не решишься прогуляться в сумерках по нашему кладбищу.

Коля замаялся, и это не осталось незамеченным. Сашка захохотал:

– Вот видите? Он разглагольствует о доброте мертвяков, а сам боится пообщаться с ними на нашем кладбище. Ты просто жалкий враль и трус.

Колю затрясло. Нет, он ни за что не позволит какому-то Сашке-двоечнику глумиться над собой.

– Я согласен на пари, – твердо ответил он, – а ты сам трус и враль. Я полюбуюсь, как ты сам повторишь мой путь, когда я вернусь с кладбища.

Ребята с интересом слушали их перепалку. Попов воодушевился:

– Ребя, вы все свидетели. – Он протянул Коле руку. – Я заключаю с Петровым пари, что он и шагу побоится ступить на нашем кладбище. Он утверждает иное. Так давайте посмотрим.

– Просто пробежаться по дорожке в темноте каждый дурак сможет, – отозвался Гришка Якушев. – Пусть принесет с могилы на окраине, где деда Смирнова похоронили две недели назад, кусок ленты от венка. Вот тогда задание будем считать выполненным.

Коля кивнул:

– Договорились.

– Тогда до встречи в половине десятого возле ограды.

Сашка не мог назначить проведение эксперимента в полночь. Его отец строго контролировал сына, и в одиннадцать мальчик должен был уже лежать в постели. Все пообещали, что обязательно придут. Коля возвращался домой совершенно спокойным, почему-то вспоминая не сказки про добрых вампиров, а любимое выражение своей бабушки: «Вы мертвых не бойтесь, живых надо бояться». «Мертвые мне ничего не сделают, – говорил мальчик сам себе. – Если порассуждать, этот Сашка хуже их всех, вместе взятых». Однако по мере приближения вечера страх в пареньке нарастал. Когда он в назначенное время явился к сельскому погосту, его с нетерпением ждала ватага удальцов. Попов пригляделся к несчастному Петрову и захохотал:

– Глядите, ребя, а он бледнее луны. Так-то мы ничего не боимся.

Он дружески положил руку на плечо Коли, как бы подбадривая, однако Петров скинул ее:

– Отстань.

Сашка щелкнул пальцами с грязными ногтями:

– Я же говорил, он трус.

Душа мальчика наполнилась решимостью:

– Мне сейчас идти? Я готов.

Сашка бросил взгляд на часы:

– Еще минут двадцать подождем.

Это время пролетело почти в полном молчании. Коля поглядывал на ребят и удивлялся их жестокости. Ни один

паренек не пожалел его, не остановил. Все ждали веселого представления. «Почему они меня так не любят?» – мелькнула у него мысль. Когда истекли положенные двадцать минут, Попов дал команду:

– Иди, несчастье.

Колька никак не отозвался на его оскорбительное слово и перелез через ограду, боясь попасть на глаза сторожу, хотя этого ему сейчас хотелось больше всего. Он сделал два шага по темной дорожке. Небо было затянуто тучами, и ничто не освещало дорогу. Липкий страх охватил его с ног до головы. На каждой могиле, под каждым кустом ему мерещились вылезшие из земли мертвецы и другая нечисть. Мальчик успокаивал себя, как мог, и упрямо продолжал двигаться дальше. Они сто раз бывали на этом кладбище, поэтому он прекрасно знал путь и мог отыскать нужную могилу в темноте. А вот и она, да, кажется, она. Коля достал из кармана спички и зажег одну, впрочем, сразу же потушив. Да, он не ошибся. Дрожащими руками паренек вытащил перочинный ножик и стал резать жесткую ленту венка. Несколько раз Коля попадал себе по пальцу, даже не заметив, как потекла горячая кровь. Наконец лента была отрезана, и сердце мальчика переполнилось радостью. Он выиграл, выстоял! Коля хотел было повернуть назад, когда услышал шорох на соседней могиле. Повинуясь инстинкту самосохранения, он быстро спрятался за временным памятником деду Смирнову. То, что произошло потом, напоминало страшный сон. Словно

из-под земли поднялся человек огромного роста, чуть отошел в сторону, и глаза мальчика, привыкшие к темноте, разглядели висевшее на березе тело. Чудовище вдруг заговорило человеческим голосом и поднесло к шее висевшего какой-то предмет:

– А кровушку отдай. Отдай всю кровушку.

Петров почувствовал, как к его горлу подступает тошнота. Не разбирая дороги, он кинулся бежать назад, в спасительное пространство за оградой погоста. От страха мальчик уронил и ножик, единственный подарок отца, и кусочек ленты, который достался ему с таким трудом. Спортивный ботинок слетел с ноги, и пятки обожгло холодом мокрой земли, однако он ничего не замечал. Добежав до улюлюкавших от радости ребят и ухмылявшегося Сашки, паренек не произнес ни слова, сел на чиненый-перечиненый велосипед и погнал домой. Слава богу, ни отец, ни мать, которые уже видели четвертый сон, не хватились сына, и он благополучно добрался до своей кровати, укрылся с головой, несмотря на теплую погоду, и попытался заснуть, однако это ему не удалось. Страшный человек, наверняка выходец с того света, мерещился то под кроватью, то в окне, и Коля несколько раз вскакивал в холодном поту. В ушах звучало: «Кровушку-то отдай!» На следующее утро все село только и говорило о найденном на кладбище трупе, и Коля, поразмыслив, решил: он должен пойти туда и забрать ботинок. Если полиция, которая уже приезжала ночью, найдет его, ему несдоб-

ровать. Во-первых, он наверняка подпадет под подозрение, во-вторых, получит нагоняй от матери. Как ему ни хотелось туда идти, другого выхода паренек не видел. Утром он сунул ноги в резиновые сапоги и побрел на кладбище. Теперь здесь все было спокойно и даже красиво. Полевые цветы на могилах склонили головки под тяжестью дождевых капель, еще не просохших от дождя. Из-под мокрой земли выбивался зелеными стрелами пырей. В полном безмолвии Коля бродил между надгробиями в поисках ботинка и ножа, но ничего не нашел. И тогда им снова овладел страх, на этот раз еще более сильный. Он видел в многочисленных сериалах, как полицейские хватали первого, кто попадался им под руку, и обвиняли, не прорабатывая другие версии. Впрочем, можно было попытаться рассказать им, что он видел в ту страшную ночь, однако поверят ли ему? Ведь Расскажи об этом ребятам тот же Сашка Попов, несомненный лидер их ватаги, над ним бы весело посмеялись. Вот почему он и бросился бежать от участкового, хотя всегда считал: дядя Вася – очень справедливый и никогда не отдаст невиновного под суд.

Когда Коля закончил свое грустное и странное повествование, Киселев снова переглянулся со Скворцовым:

– Вот тебе и история. Почему же ты решил, – он повернулся к Коле, – что тебе никто не поверит? Я, например, тебе верю. И ты вовсе не трус, а очень храбрый парень. Так и передай своим приятелям. Я бы ни за что не отправился в темноте на кладбище, даже на спор.

Слова полицейского очень подбодрили мальчика:

– Правда? Вы не обманываете?

– Кажется, мы договорились доверять друг другу, – заметил Павел, – а теперь, Коля, помоги нам еще раз. Ты увидел в темноте громадного человека, который, как тебе показалось, поднялся прямо из могилы. А внешность его сможешь описать?

Мальчик напрягся. Чистый лоб прорезали морщинки:

– Нет, дяденька, описать его не смогу, – признался он со вздохом. – Во-первых, темно было. Во-вторых, я от страха и соображать перестал. Только и осталось в памяти, что он огромного роста. А больше... – Он на секунду замолчал. Оперативники следили за ним.

– Да, вот еще что, – проговорил паренек. – Он был одет в военную форму.

– Черную? Зеленую? – поинтересовался Костя. Коля развел руками:

– А вот это тоже не скажу. Понимаете, на какое-то мгновение луна из-за туч показалась. Вот у меня в мозгу и мелькнуло: мужик военный, хотя я и мужиком-то его вряд ли бы назвал. Мертвецом он мне показался, вампиром. А его жертва висела на дереве.

– Форму, возможно, мы поможем тебе вспомнить, – сказал Киселев. – Василий, а Интернет у тебя в кабинете имеется? Компьютер вижу, старенький, правда, еще времен покорения Крыма, но лучше такой, чем никакого. А Интернет?

Сидельников ухмыльнулся:

– Обижаешь, товарищ майор. У нас хоть и село, но мы не совсем темные.

– Вот и хорошо, – обрадовался Скворцов. – Ну-ка отыщи мне форму всех родов войск.

Капитан с легкостью исполнил его приказание. Старый компьютер, на удивление, ни разу не завис, пока участковый искал нужный ему сайт. Однако, хотя поиски и увенчались успехом, мальчик ничего не вспомнил. Вроде бы форма не была морской, а вот какой именно – тут его память ничего не хотела выдавать. Полицейские понимали: ребенок пережил страшный шок. Возможно, когда-нибудь ему удастся восстановить в памяти то, что нужно, но когда это будет – ведал один бог. Киселев встал, пожал Петрову руку, как взрослому мужчине, и обратился к Василию:

– Верни ему ботинок и нож и конфет купи. А того гада, так называемого военного, мы найдем. Это очень важная зацепка.

– Так я свободен? – не поверил мальчик своему счастью. Скворцов кивнул:

– Свободен. И спасибо тебе.

Коля выходил из отдела, очень гордый собой. Полицейские проводили его с улыбками.

– Сколько вам еще предстоит работы. – Капитан потер переносицу. – Впрочем, и мне тоже. Надо еще установить личность этого бедолаги.

– Как раз не надо, – отозвался Павел. – Личность его уже установлена благодаря популярности его супруги. – Он кивком указал на Костю. – Это несчастный мужик Георгий Дьяченко, которого дважды выгнали из собственного дома, причем не бандиты.

Сидельников с изумлением уставился на него.

– Да, не бандиты, – повторил майор. – Первый раз это сделали его родители. Отчиму пасынок сразу пришелся не по нутру, а мать боялась заступиться и потерять мужа. Второй раз это проделала его единоутробная сестрица, которой мать перед смертью завещала найти брата и жить с ним в любви и согласии или отдать долю в квартире. Братец-то нашелся, да вот ни того ни другого сестрица не сделала. Оказалось, сожитель ей дороже. Они снабдили несчастного деньгами и отправили за дверь.

– При чем тут твоя супруга? – удивился капитан, поглядев на Костю.

– Вышеупомянутая дама обратилась к моей Катюхе с просьбой найти брата, – пояснил Костя. – Ее, видите ли, совесть заела. Она согласна выплатить ему причитающиеся за жилплощадь деньги и лечить от алкогольной зависимости.

Капитан наморщил лоб:

– Поздно ее совесть заела. А что, сестренка рассталась со своим сожителем?

– Не знаю, во всяком случае, два дня назад они еще были вместе, – ответил Павел.

– Значит, сожитель согласился на ее требования? – удивился Василий.

– Подробности нам неизвестны, – вставил Костя. – Однако моей Катюхе это показалось странным. Так что сестренка с сожителем стали первыми подозреваемыми.

– Он, часом, не военный? – поинтересовался участковый.

– И это нам неизвестно, – откликнулся Скворцов. – Но теперь мы обязаны все проверить, поэтому задерживать тебя, Вася, не станем.

– По моим соображениям и исходя из показаний Ильича, который слышал шум мотора, – начал Сидельников, – этого Георгия привезли на машине. Коля Петров добавил: убийца был огромного роста, в военной форме.

– Согласись, это уже немало, – бросил Киселев.

– Немало, но работы предстоит много, – развел руками капитан.

– Не повторяйся, мы это сами знаем, – заметил Костя и встал со стула. – Ну, Паша, нам пора. Петя должен пригласить к нам эту Светлану Иконникову. Возможно, она уже дожидается нас в отделе.

– У меня к ней никакой симпатии почему-то, – бросил Василий.

– И у нас тоже, хотя мы ее еще не видели.

Мужчины пожали друг другу руки, и оперативники из Приреченска сели в служебный «уазик». Солнце пригревало довольно сильно, и от земли поднимался пар.

– Лето в разгаре, – промолвил Павел. – А у нас, как всегда, горячая страда.

– Не привыкать, – откликнулся приятель.

Глава 4

Светлана Иконникова действительно дожидалась их в отделе. Ее глаза покраснели и опухли от слез, губы дрожали. Она выглядела несчастной, жалкой и до ужаса одинокой и порядочной, однако полицейские давно не верили первому впечатлению. Как бы то ни было, эта женщина, пусть даже невольно, хотя следствие покажет, стала причиной гибели своего брата.

– Мне сейчас сообщили... Я не верю... Ошибки быть не может? – пролепетала она. Киселев поморщился.

– Почему же вы не верите? Вы со своим сожителем выгнали его на улицу, а там бог знает что могло случиться.

Она комкала в руках носовой платок:

– Но я не выгоняла его без копейки. Мы дали Жорику неплохую сумму денег, которую он пропил.

– А что еще сделал бы с ними алкоголик? – поинтересовался Костя. – Пожертвовал бы на строительство храма?

Светлана закивала:

– Да, конечно, я тысячу раз виновата.

– Значит, процедуры опознания еще не было, – задумчиво проговорил Киселев. – Петя, проводи гражданочку в морг, пусть ей покажут тело.

Иконникова затряслась:

– Я не выдержу... Я просила мужа поехать со мной, но его

не отпустили со службы.

Оперативники напряглись:

– Он военный?

Женщина опустила голову:

– Да.

Костя и Павел переглянулись:

– Мы настоятельно просим вас поскорее покончить с процедурой опознания.

Женщина вдруг обреченно вздохнула:

– Хорошо.

Киселев набрал телефон судмедэксперта:

– Михалыч, тут к нам пришла предположительно сестра пострадавшего. К процедуре опознания все готово?

– Обижаешь, начальник, – хмыкнул доктор. – Пусть ее проводят ко мне.

– Тебе не придется долго ждать. – Майор встал со стула. – Я прошу вас следовать за мной.

Светлана нехотя поднялась, и они вышли из кабинета. В коридоре Иконникова увидела Зорину:

– Вы не пойдете со мной на опознание? – робко спросила она.

– Зачем? – поинтересовалась Катя.

– Мне так будет легче, – призналась женщина. – Мне еще никогда не приходилось участвовать в этом... Ну прошу вас, не оставляйте меня в трудную минуту...

– Хорошо. – Журналистка взяла ее за локоть. – Я пони-

маю, как вам тяжело. Но это необходимо, поймите.

– Я все понимаю...

Она шла, спотыкаясь. Катя боялась, что Иконникова упадет. Когда они оказались в коридоре морга, Михалыч выкатил коляску, на которой лежало тело, накрытое белой простыней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.